

ПЕДАГОГИКА КОЧЕВЬЯ (очерки философии образования)¹

Анатолий Цирульников, член-корреспондент РАО, профессор,
доктор педагогических наук

Вдалеке от крупных городов, где рождаются концепции и идеи модернизации, возникает своя — новая школа. О путях её становления, дополнительное образование в котором становится основным, а основное — дополнительным, о судьбах сельской школы, жизни и воспитании нового поколения, идеях, рождённых педагогикой кочевья, — предлагаемая статья.

Пробуждение перспективнее засыпания

Посёлок, где я поселился, центр Таттинского улуса Ытык-Кюёль, напоминает по звучанию киргизское «Ис-сык-куль». Большое село, семь тысяч народу, нагромождение барачков, среди которых странно выглядит свеженький современный театр с куполом в национальном стиле и дом для приезжих, холодный, с евроремонтом. Кормят, однако, вкусно, по-домашнему: местные вафли, пресные, на молоке, тёплые оладьи. В первый день лета — 22 мая полагаются, сказали, есть оладьи и утку. До этого должна прокуковать кукушка, тогда считается, лето будет хорошее. Все интересуются друг у друга: не слышали кукушку? Прокуковала?

А вообще-то, обыкновенный районный центр, как везде. Площадка, куча човое полотнище с приветствием, на улице попадаются крутые «тачки», по вече-

рам, посоветовали мне, «не гуляйте, лучше утром, около здания администрации».

«Жизнь ещё круче пойдёт. Рыночная экономика ещё жёстче будет, — заверил меня в конце нашего разговора молодой глава администрации Таттинского улуса Михаил Соров, — нам надо выжить...»

Но вначале — проснуться. Как-то утром в Ытык-Кюёле я услышал необыкновенную историю: несколько здешних учительниц, недовольных школами, в которых учатся собственные дети, объединились и создали свою. Полную, с первого по одиннадцатый класс. Пока воскресную, размещающуюся в здании детской библиотеки. Называется школа — «Пробуждение». Сюжет настолько красноречивый, что говорил сам за себя. Не заглянуть было невозможно.

Попал прямо на занятие. Десять детей разного возраста собирались делать газету. Вместе с двумя мамами-учительницами и тремя редакторами: «районки», местного телевидения, а третий — я, которого, оказывается, — не упускать же случай — включили в сценарий урока.

¹ Очерки философии — лишь небольшая часть книги автора «Педагогика кочевья» / Анатолий Цирульников. М-во образования Республики Саха (Якутия). Якутск. 2009 (вышедшая небольшим тиражом).

Это первая особенность «Пробуждения»: открыли глаза, посмотрели вокруг, кого тут ещё можно к нам позвать?»

Занятие идёт на якутском, но так прозрачно, ясно, кажется, понимаешь без слов.

Вот выходит перед детьми учительница якутского языка и литературы и показывает, какая раньше была газета. «Вот «Коммунист». А это наша республиканская газета, тридцать девятого года, с портретом Сталина. А вот 1941-го... Посмотрим газеты, какие в них рубрики были. Сравним с сегодняшними... Определим для себя рубрики, какие статьи вы бы написали?»

Потом учительница спрашивает сидящего здесь, на занятии в детской библиотеке, редактора местной газеты, какие специалисты делают номер. И он выходит перед детьми и рассказывает: вы их знаете — вот такой-то корреспондент, такой-то редактор, и так далее.

Верстальщик-родитель сидит, кстати, тут же, за компьютером, он будет набирать газету, которая к вечеру должна выйти. «У газеты бывает тираж, бывают общественные корреспонденты, — продолжает рассказывать редактор местной газеты, — вы тоже можете туда писать». Дети что-то пишут.

— Посмотрим, — продолжает ведущая занятие учительница, кто с кем может объединиться, чтобы написать статьи. Кто ходил в поход в Хара-Алдан, может, объединитесь?

Класс, если можно его так назвать, разбит на три группы: по теме заметок. Вот, скажем «Школа двадцать первого века глазами учителей и учащихся». Сидят, обсуждают содержание заметки и записывают.

— В школе мы должны развивать свои таланты (это мнение ученицы).

— Хотим, чтобы школа была без парт.

«Почему долго сидеть трудно?» — спрашивает учительница. «Нет, чтобы самому что-то делать», — отвечает ученик.

Один хочет школу на колёсах.

— В той школе, где я учусь, лучше, чтоб вообще уроки были по пятнадцать минут. Но если бы такую школу, которую хочу — на колёсах, я бы в ней занимался целый день.

— Я не хочу, чтобы учитель надо мной стоял, лучше, чтоб он вместе с нами.

— Я тоже могу их чему-то научить (в смысле, учителей).

Другая группа описывала, как в отдалённом селе на реке Алдан видела подлёдный лов, там есть маленькая школа, с которой эта подружилась, а в ней клуб любителей рыбалки, они посетили, им понравилось.

Яша Спиридонов из 6-го «а» (другой школы, обыкновенной — вы не забыли, что дети учатся ещё где-то в обычных классах, так же, как их родители-учителя работают в обычных школах) нарисовал кукушку — эмблему необыкновенной школы, приоткрывшейся в детской библиотеке. Почему кукушка? Потому что кукушка, о которой все сейчас спрашивают, — символ пробуждения природы. Кукушка кукует — природа пробуждается. Раз у нас школа «Пробуждение», пускай будет такая эмблема. А другая девочка предлагает сделать эмблемой «компас жизни», и вот они обсуждают, нельзя ли объединить с кукушкой. Обсуждают дети и взрослые — учителя, родители.

«...Вот мы посоветовались в своей группе и решили, — говорит Изабелла Сивцева, в другом месте заведующая методической службой управления образованием, — что план газеты будет такой: передовица, туристические новости, проба пера... как вы считаете?»

Когда дети и взрослые собрались тут, параллельно объясняют мне по-русски, они решили, что обязательно будут заниматься туризмом. Чтобы приехал человек вроде вас, а дети бы ему рассказывали. А для этого они сами захотели посмотреть разные места...

Смеются о чём-то. Оказывается, девочки предложили рубрику в газете: «Сердечные тайны». Кто-то говорит, нельзя тайны выдавать. Учительницы смеются.

Вот как-то совместили в эмблеме: «компас жизни» с «кукушкой», и ещё солнце прибавили, утреннее...

Солнце и на обложке первой книжки пятиклассницы Вали Протопоповой — «Росточек». Замечательные рисунки нарисовала Валя — прозрачные, нежные, такие же, наверное, и её стихи, сказки, жаль, не знаю якутского...

А теперь пора, говорят, нам подумать о наших летних маршрутах, давайте определяться, где будет лагерь. Только имейте в виду, мы на одной базе жить не будем, а каждый день будем по разным маршрутам ходить, пешком, на байдарках... На следующее занятие мы должны принести маршруты и написать, чем хотим заниматься. Всё это объединим и сделаем план нашего лагеря.

«Заодно, видите, — подсказывают мне, — родители себе с детьми летний отдых организуют...»

Грех не поговорить с родителями, они же учителя этой школы и обыкновенных. Изабелла Сивцева, Дора Неустроева, Мила Луковцева, Акулина Николаева, Яков Спиридонов, Людмила Будикина... Никого не забыл? По-моему, стоит назвать каждого поименно, такое ведь не каждый день случается, может быть, раз в сто лет, — чтобы учитель перешёл на позицию родителя, родитель — учителя, и всё это объединилось в одних лицах. И легко снялось вечное противоречие между семьёй и школой, обществом и государством, мучительная раздвоенность, необходимость выбора между сердцем и разумом, который сделан ими в пользу сердца. Или разума? — с этим ещё надо разобраться...

Мотивы? Множество, говорят мне вышеупомянутые лица, объединившиеся под крышей

«Пробуждения». Первое — мы народ, не удовлетворённый тем, как идёт образование наших детей. У детей нет времени, и мы сами их загоняем. Поэтому хотели создать такую школу, в которой бы не загонять программой, а развивать интерес. Идти не от основного к дополнительному образованию, а наоборот.

Учителя нарисовали мне разные картинки, поясняя свою концепцию. От дополнительного образования — к науке, образовательным областям, индивидуальным проектам. Через пересечение разных кругов: театра, музея, клуба, мастерской... Про ступеньки мастерства: первые три ступеньки — ученик-подмастерье, ещё три ступеньки — и диплом «мастера-соавтора» (что-то вместе с мастером делает), потом мастера... «Девять ступеней, как в якутском героическом эпосе?» — заметил я, уже подготовленный предшествующими днями путешествия.

Школа «Пробуждение» — молодая, современная, как современные работающие в ней люди, в ней чувствуется дух педагогики Александра Тубельского, Олега Газмана, свободной, не формальной школы. Но всё-таки дело происходит в тридцати с чем-то кёсах (трёхстах километрах) от Якутска, в улусе, где на каждом шагу — родовые деревья, коновязи, избушки могильников. Поэтому и этой школе не обойтись без этнокультуры. С их точки зрения, это означает привлечение в школу мастеров, но не обязательно только режущих, пилящих — редактор газеты, который работал с детьми на занятии, тоже мастер, и музейный работник, и эколог, и спортсмен... Школа открыта для всех.

Сегодня в «Пробуждении» — сорок два ученика. Сначала, объяснили мне учителя-родители, были только наши, потом присоединились друзья наших детей, потом дети наших друзей. Смеются: «Друзья друзей...».

Занимаются не только в библиотеке. Приходят домой, и там это продолжается. Созваниваются: где сегодня собираемся?

«Ещё мотив — дать детям возможность попробовать себя в разных делах, найти себя. В школе есть туристы, экологи, журналисты, есть группа, пробующая себя в литературе, есть научные доклады», — объясняет мне отец того парня, который нарисовал эмблему-кукушку. Отец — учитель черчения и труда в одной из школ райцентра. Ещё в «Пробуждении» есть биолог, математик, учитель русского языка, учительница начальной школы — девять человек, по всем предметам. «Есть даже попечитель-физик», — смеются.

— «Почему физик?»

«Она, — объясняют, — бывший учитель физики, ушла в коммерцию, и теперь нам помогает — обеспечивает лагерь...»

Одна подумала: «У нас же ещё есть мужья — водители. Так что получается больше».

Они есть, и в то же время их как бы и нет. Ни в каких бумагах школа «Пробуждение» не числится. Всё — на интересе, на общественных началах. Так что в любой момент могут сказать: ну, какая это школа, никакой школы нет. Весной ездили на конкурс федеральных площадок, и один известный столичный педагог сказал (даже не посмотрев), что таких школ быть не может.

Какие перспективы?

Возможно, создадут частную школу. Есть план организовать курсы для взрослых, которые хотят чему-то научиться. Проект, согласно которому учителя из обычных школ проходили бы переподготовку, смотрели, как можно по-другому с детьми работать — тут была бы «площадка открытого образования»...

Я закрыл глаза и попробовал себе это представить: учительницы из «закрытых школ» приходят в эту «открытую»... Что-то не получалось представить.

«А какие у вас отношения с официальной системой?» — поинтересовался я. Рядом со мной сидел Геннадий Решетников, заместитель начальника Таттинского управления образованием по инновациям, можно сказать, свой человек, не в счёт, а даже он, говорят, не сразу принял.

Ситуация-то, если вдуматься, действительно экстраординарная, непривычная для системы.

Смотрите, что происходит. Есть учителя, которых система считает своими надёжными винтиками (а могут быть и директора, управленцы разного ранга — вы не забыли про заведующую методической службой?). И вот, оставаясь таковыми, прошу заметить, из системы не выпадая, они вдруг одновременно превращаются в свободных людей, мам, пап, педагогов, мастеров и создают для своих детей и их друзей школу, где царит свобода и мастерство. Как на это реагировать?

Администрация одной из школ запретила своему учителю заниматься с детьми в «Пробуждении». То есть маме запретила?

«А ваши коллеги-учителя, они как относятся?»

«Интересуются, хотят, чтобы их детей тоже взяли, помогают... Насчёт этого мы не боимся».

«Извините, пожалуйста, у меня урок сейчас», — сказал один учитель и победил в свою обычную школу.

А они ведут дневники — о своей необычной. Каждый день происходит что-то интересное, и может получиться увлекательная книжка. Может быть, кто-то поможет им написать её? Увидеть и осмыслить происходящее, ведь это важно для многих. То, что происходит с ними и с окружением. Как неожиданно меняются позиции и роли, снимаются одежды-застёжки и преодолеваются непреодолимые, казалось бы, преграды. Как люди освобождаются от догм, страха, одиночества и протягивают друг другу руки. Живое движение — то, чем они являются, интересней самой совершенной застывшей формы. Пробуждение перспективней, чем засыпание.

Что они там живо обсуждают по-якутски, о чём говорят между собой? О политике? О зарплате? Оказывается, выясняют, куковала ли кукушка. И с радостью сообщают мне: уже куковала!

Во времена потопа

Кукушка прокуковала — первый день лета был замечательным. На другой — выпал снег. Мы отправились в Хара-Алдан, из которого виден Верхоянский хребет, снежные горы — неперенная часть пейзажа за рекой. Из местных там, говорят, никто не был, только охотники. Но на рисунках детей («моя малая родина») обязательно присутствует река, а за ней гора. Как мечта, заметил один из моих спутников.

Но нам было не до мечтаний: на Алдане, когда туда добрались, попали в настоящее половодье.

Якутский вариант деда Мазая и зайцев... Афанасий, муж местного директора школы, долго плутал, разыскивая нас на моторке — земля слилась с водой, привычный пейзаж стал неузнаваем. Мы осторожно проплывали по лесным полянам и проселкам, опасаясь наткнуться на корягу, выглядывающую из-под воды крышу, телеграфный столб, дорожный знак, всплывший старый мост — казалось, что под воду ушла вся страна вместе со звёздами Кремля.

Наконец, выбрались на открытое пространство и пошли по Алдану — полноводной широкой реке, с ледниковыми притоками. Наводнения здесь в год по несколько раз, тает лёд — «белая вода», проходят в верховьях дожди, смывая грязевые потоки — «чёрная»... Нам повезло — вода поднялась только на двенадцать метров, есть резерв, бодро сообщили из Хара-Алдана, при тринадцати выливается на улицу. В прошлое половодье, когда была катастрофа в Ленске, тут тоже заливало деревни, вода шла и как щепки рассыпала дома. В одном месте спас-

ла школа, она была двухэтажная, и вся деревня забралась на крышу, даже скот загоняли. Сельская школа, сыгравшая роль ковчега, в котором спасался Ной во время библейского потопа — такого не придумаешь.

Мы проплыли вдоль растянувшегося на несколько километров села, свернули и через футбольное поле въехали на моторке прямо в школу.

Внешне ничем не примечательную, неказистую. Здание бывшего холостяцкого общежития, с длинным коридором, темновато, освещения не хватает — не жаловалась, а просто констатировала директор Ольга Николаевна Самсонова, преподающая в первом классе шахматы. Тут вообще никто ни на что не жалуется.

В Хара-Алданской средней школе учатся девяносто учеников, поэтому она и без половодья находится в зоне затопления, её в любой момент могут ликвидировать или понизить в статусе до девятилетки, сделать чьим-нибудь филиалом. Но всё равно добираться сюда будет так же трудно, связь плохая («Или они нас не слышат, — сказала директор, — или мы их не слышим»).

Приходится самим что-то придумывать.

В начале учебного года, к концу которого я приплыл в школу, дети предложили свои предметы, под эти предметы собрались учителя. Показали мне, что получается.

На одном из предметов, литературно-музыкальном, вырисовывалась «Русалка». Она была ещё не готова. Делали декорации, разучивали слова. Гоголь перемежался с Андерсеном, а Даргомыжский — с песнями на стихи Андрея Рубцова. Одна родительница тихонько наигрывала на синтезаторе, а другие, вместе с детьми и учителями, изготавливали цветы для сада русалок. «... Когда тебе исполнится 15 лет, тебе разрешат всплывать на поверхность моря и смотреть на плывущие мимо корабли...».

Есть клуб путешествий, рыбалки и охоты... «Хорошие лица у ваших ребят», — сказал я директору просто так, чтобы сделать приятное. Она заметила тоже между прочим: «Двадцать лет назад были другие».

Оказывается, тогда в пьяном, развалившемся, как вся брежневская страна, Хара-Алдане собрался сход, в основном женщины и старики, и принял решение — не торговать в селе алкогольными напитками, даже пивом. И вот прошло двадцать лет. Чистые лица, здоровые дети. «Самая большая проблема, что урок пропустят. И не дерутся, странно, — сказала директор, — мирные такие...»

Я стал приглядываться внимательней.

Село как село, немногочисленное, растянувшееся вдоль реки на четыре километра. «Что-то вы в один ряд», — сказал я.

«Ну, — ответили мне, — отступить нам некуда», — имея в виду, что сзади тайга. Вся жизнь, движение — на реке. Лавочки не у дома, как в среднерусской деревне, а напротив — у воды. Что так? Засмеялись: летом в бинокль смотреть, кто к кому приехал.

Река тут как хлебное поле. Лодка с мотором — корова-кормилица. «Видите, — говорят, — вон, у того мотор на лодке — «Джонсон», а ещё у него есть «Маринэр», этот старик богатый. Новых якутов в тайгу водит...»

Другие выменивают у капитана проходящего мимо танкера солярку на трёхлитровую банку чёрной икры или пушнину. Подаются в золотоискатели. Моют песок, как на «золотом Юконе», лотками на ручьях, ищут самородки. Заканчивается по-разному.

Шли по реке, плот перевернулся, один человек утонул сразу, другой зацепился за куст, снять не могли, через двадцать минут замерз. Остался рюкзак с бутылкой, на доньшке — золотой песочек. Тот, что подобрал, вздохнул: «Не стоило...».

В Хара-Алдане в цене то, что переоценке не подлежит: тайга, река. Раз, рассказывают учителя, попали в город — чуть не задохнулись, фонтан искали. Там, где нет реки, как-то не так

дышится. Жизнь на большой реке — особенная.

Но если не живёшь, а со стороны — попасть впросак можно. Смотришь на Алдан — тихая река, плавная, наверное, говоришь, в ледоход у вас красиво. Угу, говорят, когда надвигается льдина с двухэтажный дом, мы бежим вон туда, на гору...

Директор бежит, и завуч со своими пятью коровами — за лесом, на запасной горе построены временные жилища, называются «дачами».

Им тут смешно, когда смотрят по телевизору конкурс на выживание.

Вот всё это — Хара-Алданская школа.

С одной стороны, она сельская, убогая, маленькая, удалённая, информационный вакуум. А с другой стороны, многие в Хара-Алдане стихи пишут. Музыку сочиняют. Мелодистов много, самодеятельных композиторов. Художников — вся школа в учительских и ученических картинах, помните, где за рекой — гора?

Вот пейзаж, что о нём скажешь? С одной стороны, да, далековато от проверяющих, дико, дети из-за дороги во многих видах спорта в соревнованиях не участвуют. А в которых участвуют — побеждают. С одной стороны, верно, кругозор узок, а с другой — откуда смотреть...

На одном из предложенных детьми учебных предметов под названием «Путешествие» хотели отправиться из Хара-Алдана по всему свету, но потом решили сначала по родному краю. Выяснилось, что пятьдесят лет назад группа людей сделала восхождение на Верхоянский хребет, не самый высокий в мире, но скалы, лёд — трудно проходимый. Инициаторами экспедиции были тогда сын классика якутской литературы Кулаковского и местный учитель биологии, а поднимались с ними на гору двадцать школьников. Нынешние ученики

решили повторить восхождение и разыскали старых участников.

Беседу с одним из них я смотрел вместе с ребятами на видеоплёнке. Вот, говорит участник того похода, мне было семнадцать лет, а сейчас семьдесят. Вспоминает: делали восхождение в июле, было сыро, холодно, снаряжение, еду — все несли на себе. В конце недели, на шестой или седьмой день, уже были у подножия хребта... «Это вселяет надежду, — комментирует рассказ того участника учитель (как его правильно назвать — «учитель путешествий»?), — они шли пешком, а мы можем где-то и на тракторе». У нас ведь, поясняет он мне, пойдут и младшие.

...На самом верху, продолжает участник того похода, оставили бутылку — какие-то записи, имена, наверное, были, он не помнит. Бутылку закрыли, заложили камнем, если подниметесь, говорит, найдёте. Гору назвали «Пионер»...

Человек на экране вспоминает, даёт советы, так, говорит, не делайте... Тоже вроде учит.

Мне показали фотографии той первой экспедиции. Многих уж нет.

— «Очень хотят, чтобы мы осуществили это восхождение, повторили».

«А вы гору переименовывать не собираетесь?» — спросил я ребят. Они удивлённо отрицательно закивали головами...

В ночь перед последним школьным звонком (все я не вовремя — приплыл в половодье, надумал рыбачить перед экзаменами) педагогический коллектив свозил меня с ночёвкой в зимовье Булустах, место такое — вечные льды, речка с ледников течёт, там родина организатора внеклассной работы Татьяны Гавриловны Новгородовой. Там «ёгёх» — необитаемое, брошенное место, следы дома, в данном случае, отделения колхоза, от которого остались юрты, изгороди... «Когда это было?» — спросил я. Давно, ответили, при социализме. У юрты, с земляным потол-

ком, мы развели костёр. Со стен свисали обрывки старых газет. Ещё можно было прочесть заголовки: «За Ольчанским перевалом забастовки солидарности», «Приговор шпионам».

Обрывки газеты были похожи на ленточки, завязываемые на дереве, чтобы задобрить духов. А развалины фермы вызывали какое-то смутное, щемящее чувство — совсем недавнего, превращающегося в далёкое, почти уже превратившегося. «Здесь я родилась, — показала учительница Татьяна Гавриловна, — вот в этой юрте, в июне». А я вспомнил, что сказал до этого мой проводник по Якутии Николай Бугаев: мы, говорил он, не трогаем необитаемых мест, следов прошлой жизни, сухих деревьев. Не поливаем их, как мальчик в фильме Тарковского, а просто бережно относимся...

До белых якутских ночей было ещё две недели, но по сравнению с Москвой и даже Питером это была ослепительная белая ночь, яркое солнце за полночь и костер, учителя, используя случай, веселились от души, бегали, прыгали, как дети, и на их примере я понял, чему они учат своих учеников. Народной борьбе «хапсагай», в которой проигрываешь, если задеваешь хотя бы пальчиком землю. Главное не атака, а удержание равновесия: тот, кто нападает, обычно проигрывает. Вот смысл учения: быть воином, но не нападать, удерживать равновесие. Быть в ладу с собой, во дворце или в охотничьей сторожке, где зимой вместо стёкол пять слоёв целлофана, растопишь печку — жарко, засыпаешь, когда начинает остывать, а утром кружка наполовину полна льда. А на Севере, рассказывали, совсем круто, ночлег прямо на снегу: раздеваешься догола, одежду зарываешь в снег, чтобы просохла, а сам под шкуру, самое тяжкое, говорят, встать утром и на морозе одеваться. Из жары в лютый холод — закалка воина. Перепады температуры бывают до ста градусов, но во всей срединной Якутии младшие школьники учатся при -52 , а старшеклассники — при -56 .

Впрочем, в Хара-Алдане не все такие уж северные волки, каких я старательно тут выписываю. Один из этой учительской компании недавно приехал из села, где нет реки, и не умеет ловить рыбу, а другой признался, что не по этому делу (о чём я узнал в разгар ночи, в половодье, распутывая с ними сети на лодке, которая чуть было не перевернулась). Потом они позвали меня на охоту, но я был благо-разумен и пошёл спать на медвежью шкуру. Да и какая здесь охота, говорили мне сведущие люди, вот на Севере... Подстерегают оленьё стадо, переходящее реку, и прямо в воде закалывают пиками. — Но это же убийство, — сказал я. Нет, не согласились со мной, еда — вопрос жизни. Жить-то людям надо.

Из якутских сказаний, которые учат дети в Хара-Алдане:

«Было время осеннего возврата диких оленей, когда они стадами переплывали реку...».

«Рассвет полосой не шире лезвия ножа».

«Маленький костёр, дым от которого не больше, чем от закуренной трубки...».

Учиться у оленей, у рассвета, у закуренной трубки... Или у телевизора, который в Хара-Алдане плохо работает?

Поэтому на третьем ночлеге я переосмыслил концепцию школы. Сельской ли, городской — неважно.

Раньше я считал, что у школы, положим, сельской, есть свои преимущества и недостатки, плюсы и минусы, которые надо компенсировать. А в Хара-Алдане пришёл к выводу — не надо ничего компенсировать. Нет никаких плюсов и минусов, все зависит от желания учиться у жизни и умения оборачивать недостаток преимуществом.

Взял тетрадь и записал на память: «Модель сельской маленькой удалённой школы, у которой все недостатки — это преимущества».

Узок кругозор — соверши восхождение.
Тонешь в мелочах жизни — плыви.

Только с умом, не бросайся в воду, река всё-таки. Шли на двух лодках, смотрим, другой нет. Афанасий, муж директора школы, покрутился, покрутился — нет. Встали к берегу, горячего только на возвращение, если будем их разыскивать, самим не хватит. А так, бросить? Афанасий подумал... Потом оттолкнулся от берега и течение медленно понесло нас назад, на помощь. Здесь нельзя иначе. Ты не помог, кто тебе поможет? Бревно, запутавшееся в сети, отталкивают подальше веслом, чтобы другим не помешало. Тоже школа.

Она открывалась постепенно на реке. Река медленно несла нас на помощь. Казалось, прошла вечность. Временами Афанасий не выдерживал, заводил мотор, пройдем сколько-то, остановимся — прерывисто, как будто просматриваешь видеозапись. Вперёд, назад... Кукушка кукует теперь всё время, одна заканчивает, другая начинает, со счёта собьёшься, жизнь бесконечна. А случится что-нибудь такое посреди реки, и понимаешь, как коротка, хрупка жизнь. Возвращаться надо, а то до дома не доберёшься.

Вроде бы уже абсолютно ясно, тривиальные вещи, однозначный ответ. Выбираться надо отсюда. Из этой жизненной ситуации, этой системы образования, страны. Ан, нет. И опять закутилось, как кинолента, в обратную сторону.

Опять входим в половодье, разыскиваем пропавших. Живы, слава богу, идут тихим ходом. Полетел винт. Сближаемся бортами, и наш ангел-хранитель Афанасий заменяет его прямо на реке. Те долго заводят «Вихрь», дергают верёвку, Афанасий держит мотор на весу, вдруг он заводится, и лодка выскакивает прямо из его рук и уносится, не сказав «спасибо».

Такая школа, только во время всемирного потопа в ней спасается человечество. **В.Ш**